

Гелльвальдъ

№ 50

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

При участіи профессоръ Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна,
Гольма, Генне амъ-Рина, Людвига Гейгера, Филиппсона и др.

Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи.

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова.

Съ таблицами рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.

1897.

Доволено цензурою. Спб. 10 Июля 1897 г.

СВ 83.
Н 425
V. 1

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее русское изданіе перваго отдѣла извѣстной книги Гелльвальда представляет переработку послѣдняго нѣмецкаго изданія. Нами сдѣланы нѣкоторыя стилистическія сокращенія и исключены нѣкоторыя главы, представляющія, по нашему мнѣнію, излишній балластъ; взамѣнъ этого значительно расширены и дополнены главы, относящіяся къ сущности предмета. Особенно значительны добавленія, относящіяся къ первобытной культурѣ.

Первобытная эпоха.

● Ближайшимъ предкомъ человѣка слѣдуетъ считать антропитека (*Pithecanthropus erectus*), открытаго Дюбуа въ отложеніяхъ, по всей вѣроятности, принадлежащихъ къ третичному періоду. Общая фигура человѣка и его прямостоячее положеніе легче всего, вѣроятно, могутъ быть объяснены тѣмъ, что его древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ, подобно тому, какъ у обезьянъ, было дерево. Лазящій образъ жизни и привычка охватывать дерево при влѣзаніи вверхъ, всего проще объясняютъ превращеніе передней конечности изъ органа перемѣщенія въ хватательный органъ. Вѣдь и теперь есть не мало дикихъ племенъ, предпочитающихъ устраивать жилища на деревьяхъ; впрочемъ, первобытный человѣкъ, вѣроятно, при случаѣ предпочиталъ спать не на деревьяхъ, а въ пещерахъ или же подъ нависшими скалами; а можетъ быть онъ выкапывалъ или выгребалъ ямы въ песокъ или просто подстилалъ листья и траву, что еще и теперь дѣлаютъ бушмены. Рассказываетъ же Тацитъ о древнихъ германцахъ, что они еще въ началѣ нашей эры пользовались ямами, выкопанными въ землѣ и покрытыми соломой или же затвердѣвшимъ навозомъ!

Настоящіе люди развились лишь посредствомъ постепеннаго превращенія звукового языка животныхъ въ членораздѣльную рѣчь, при чемъ рука объ руку подвигалась болѣе высокая степень дифференцированія гортани и мозга. Но этотъ переходъ отъ бессловеснаго обезьянообразнаго человѣка къ настоящему или говорящему человѣку потребовалъ весьма продолжительнаго времени, такъ какъ различные языки обнаруживаютъ такую высокую степень различія, что допустить ихъ общее происхожденіе отъ одного первобытнаго языка совершенно невозможно; стало быть, отсюда вытекаетъ, что раздѣленіе человѣчества на бѣлую, черную, желтую, коричневую и т. п. расы должно было совершиться еще до раздѣленія языковъ. Если далѣе мы вспомнимъ, что, по даннымъ языкознанія, человѣческая рѣчь должна была воз-

никнуть раньше, чѣмъ любое орудіе, изобрѣтенное человѣкомъ для своего употребленія, то отсюда приходится заключить, что человѣческій родъ обладаетъ неувѣроятно чудовищной древностью. До-историческое время, очевидно, длилось несравненно болѣе, чѣмъ историческое или чѣмъ то, которое удостовѣрено преданіями. Возможно, что на самыхъ раннихъ стадіяхъ развитія языка, существовало чудовищное количество языковъ, такъ называемыхъ нарѣчій, позднѣе слившихся въ болѣе крупныя нарѣчія и коренныя языки—процессъ, еще теперь наблюдаемый въ Австраліи и въ Америкѣ. Теологическая гипотеза происхожденія человѣческаго рода отъ одной пары, поэтому, становится понятною развѣ при содѣйствіи извѣстнаго разсказа о вавилонскомъ смѣшеніи языковъ.

Итакъ, если, какъ часто дѣлали, отнести процессъ превращенія низшихъ формъ въ человѣка къ началу четвертичнаго періода или къ диллювію, то это предположеніе окажется неувѣрнымъ уже потому, что всѣ извѣстные остатки человѣка, находимые въ диллювіи, сравнительно обнаруживаютъ еще слишкомъ ничтожное приближеніе къ животному типу. Поэтому не остается ничего, какъ допустить существованіе весьма спорнаго „третичнаго человѣка“ и отнести процессъ приобрѣтенія человѣческихъ признаковъ къ одному изъ трехъ подраздѣленій великаго третичнаго періода, что и сдѣлано большинствомъ ученыхъ, компетентныхъ въ этой области ¹⁾).

Ясно, что человѣка, во всякомъ случаѣ, нельзя поставить отдѣльно отъ прочихъ живыхъ существъ; совершенно напрасный трудъ искать для него такого отдѣльнаго положенія. Человѣкъ—естественный продуктъ, какъ и всѣ прочія существа, хотя стоящій на самой высокой ступени и тѣснѣйшимъ образомъ связанный со всѣмъ, стоящимъ ниже его, міромъ живыхъ существъ, частью наложившимъ на него свою неизгладимую печать. Этотъ міръ живыхъ существъ образуетъ, впрочемъ, связанное цѣлое. Никто въ настоящее время не въ состояніи сказать, гдѣ граница между двумя, повидимому, такъ значительно различающимися мірами, каковы міръ растений и міръ животныхъ; они связаны тѣснѣйшими переходами въ области скрытыхъ для невооруженнаго глаза живыхъ существъ—микроскопическихъ простѣйшихъ или простивовъ. Точно также невозможно указать принципиальное различіе между животнымъ и человѣкомъ, несмотря на про-

¹⁾ Сравни. Büchner, *Thatsachen und Theorien aus dem naturwissenschaftlichen Leben der Gegenwart*. Berlin 1887, стр. 37 и слѣд.

тесты, раздающіеся до сихъ поръ съ извѣстной стороны. Морфологія (т. е. ученіе о формахъ тѣла животныхъ) убѣждаетъ въ томъ, что человѣкъ представляетъ лишь наивысшую форму уже высоко развитой формы высшаго млекопитающаго; сообразно съ этимъ, и психическая сторона его природы является лишь наивысшимъ развитіемъ задатковъ и способностей, существующихъ въ животномъ мірѣ.

Теперь всѣ уже признають нелѣпою геоцентрическую точку зрѣнія, придававшую солнцу и звѣздамъ движеніе вокругъ земли, какъ общаго центра. Точно также и антропоцентрическая точка зрѣнія, превратившая человѣка въ цѣль и средоточіе всей вселенной, признана несоотвѣтствующею фактамъ. Вполнѣ несостоятельна точка зрѣнія, защищаемая напр. Нуаре ¹⁾; этотъ авторъ пытается доказать, что слѣдуетъ различать антропоморфизмъ, т. е. уподобленіе всѣхъ явленій человѣку, отъ антропоцентризма, т. е. приуроченія всѣхъ явленій къ человѣку, какъ центру вселенной. Различіе, дѣйствительно, существуетъ, но обѣ точки зрѣнія одинаково несостоятельны. По словамъ Тита Виньоли ²⁾, „у человѣка выполняются органическія и физиологическія функціи ощущенія, воспріятія, воспоминанія, мышленія, воспроизведенія и социальныхъ отношеній, совершенно такимъ же образомъ, какъ и у животныхъ“. То самое различіе, которое существуетъ между животнымъ и человѣкомъ, замѣчается также между высшими и низшими животными. Можно даже сказать, что психическія проявленія низшихъ животныхъ въ гораздо большей степени различаются отъ психической жизни высшихъ животныхъ, чѣмъ этихъ послѣднихъ по сравненію съ человѣкомъ. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что между тѣлесными, какъ и душевными свойствами человѣка и животныхъ нѣтъ качественного различія, но лишь количественное; нельзя провести никакой определенной границы между умомъ и инстинктомъ. Человѣкъ и животное обладаютъ умомъ и инстинктомъ, лишь съ тѣмъ различіемъ, что у человѣка преобладаетъ умъ, а у животнаго инстинктъ. Предположеніе, что животныя руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно слѣпымъ и произвольнымъ инстинктомъ, давно опровергнуто; съ другой стороны, во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, направленныхъ къ самосохраненію и къ сохраненію вида, въ свою очередь, рас-

¹⁾ Noiré, Die Welt als Entwicklung des Geistes.

²⁾ Tito Vignoli, Ueber das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreich.

познается дѣйствіе инстинкта, какъ происшедшаго естественнымъ путемъ и передающагося посредствомъ наслѣдственности природнаго стремленія.

Также въ моральномъ отношеніи нѣтъ никакого опредѣленнаго различія между человѣкомъ и животнымъ. Это послѣднее обладаетъ зачатками всѣхъ пороковъ и всѣхъ добродѣтелей человѣка, порою даже въ болѣе рѣзко выраженной степени ¹⁾.

Такимъ образомъ падаютъ, одинъ за другимъ, воображаемые предѣлы, по прежнимъ воззрѣніямъ отдѣлявшіе непроходимой бездной человѣка отъ животнаго; и даже душевная природа, повидимому, ставящая человѣка выше всей природы, представляетъ лишь послѣднее выраженіе величественнаго, нигдѣ рѣшительнымъ образомъ не прерывавшагося процесса развитія. Душевная и тѣлесная природа такъ же неразрывно связаны между собою, какъ сила и вещество. Такъ называемый *дуализмъ*, видѣть-ли въ немъ противоположность духа и природы, содержанія и формы, сущности и явленія, или чего угодно, для нашего времени является міросозерцаніемъ, отжившимъ свой вѣкъ. Наступаетъ господство *монизма*.

Древность и первобытное состояніе человѣчества.

Среди наивысшимъ образомъ организованныхъ животныхъ формъ, а именно млекопитающихъ, обладающихъ не только дѣтскимъ мѣстомъ (плацентою), но и отпадающей оболочкой (послѣдомъ, *decidua*), предки человѣка занимали, безспорно, уже высое мѣсто, благодаря приобрѣтеннымъ способностямъ, обеспечившимъ имъ побѣду въ борьбѣ за существованіе. Эти предки могли въ теченіе многихъ тысячелѣтій произвести человѣка въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова лишь *постепенно*, поэтому выраженіе: первый человѣкъ лишено всякаго смысла. „Перваго человѣка“ никогда не могло быть, поэтому нельзя дать хронологическое указаніе, опредѣляющее точный возрастъ человѣчества на земномъ шарѣ. Достоверно лишь одно, а именно, что человѣкъ—современникъ мамонта, ископаемыхъ видовъ носорога, пещернаго медвѣдя и всѣхъ мощныхъ исполиновъ ледниковой и послѣ-ледниковой эпохи. Послѣ различныхъ находокъ до-историческихъ слѣдовъ че-

¹⁾ Сравни. Büchner, Aus dem Geistesleben der Thiere, 4 Aufl. Leipz. 1896, и его же Liebe und Liebes leben der Thiere, 1885.

ловѣка, въ особенности не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣкъ жилъ въ теченіе обѣихъ ледниковыхъ эпохъ, раздѣленныхъ такъ называемой межледниковой эпохой; онъ жилъ въ началѣ плейстоцена или дилuvia или же, вѣроятно, уже въ концѣ третичнаго періода. Онъ присутствовалъ, въ теченіе тысячелѣтій, при постепенномъ нарастаніи и исчезновеніи ледниковъ, отступая отъ надвигающихся ледниковъ и слѣдуя за отступающими. Для разсматриваемаго вопроса безразлично, допустимъ-ли мы лишь двѣ ледниковыя эпохи или же, по примѣру нѣкоторыхъ изслѣдователей, станемъ разсматривать четвертичный періодъ какъ рядъ поочередныхъ ледниковыхъ и межледниковыхъ эпохъ. Весьма вѣроятно, что нововаменный (неолитическій) или послѣдній отдѣлъ такъ называемаго каменнаго вѣка совпадаетъ съ концомъ ледниковаго періода; этотъ послѣдній отдѣлъ ледниковой эпохи, по вычисленіямъ Кролля, Фореля и др., отстоитъ отъ насъ за 80.000—100.000 лѣтъ, тогда какъ знаменитый геологъ Ляйбаль опредѣляетъ продолжительность всей ледниковой эпохи въ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ. Въ новѣйшее время, впрочемъ, непосредственно доказано до-ледниковое существованіе человѣка: это показали раскопки д-ра Гикса (Hicks) въ Уэльсѣ или Валлисѣ, предпринятія по порученію британской ассоціаціи. Теоретическія основанія заставляютъ принять существованіе человѣка еще въ третичномъ періодѣ; весьма правдоподобно, что въ древнѣйшія времена человѣкъ жилъ далеко не въ одной какой-либо ограниченной области, вродѣ нашей части свѣта; по всей вѣроятности происходили поселенія болѣе культурныхъ племенъ, являвшихся съ юга или съ востока.

Изобразить настоящее первобытное состояніе человѣчества мы не въ состояніи, такъ какъ здѣсь мы лишены какой бы то ни было точки опоры или возможности провести параллель. Дѣйствительно, даже самыя грубые изъ современныхъ дикарей, во всякомъ случаѣ, находятся на болѣе высокой ступени развитія, нежели та, какую мы можемъ приписать первобытному человѣку. По образу жизни онъ вѣроятно немногимъ отличался отъ своихъ звѣроподобныхъ предковъ. Подобно имъ, ему приходилось вести суровую борьбу за существованіе; борьбу эту онъ ведетъ и теперь, хотя въ существенно измѣненномъ видѣ. Тѣ же законы, которые имѣютъ значеніе въ жизни животныхъ, господствуютъ и надъ жизнью человѣка, хотя, вслѣдствіе его высшаго ум-

ственного уровня, они въ значительной степени видоизмѣняютъ свою форму. Прежде всего борьба происходила изъ-за пищи, затѣмъ—ради удовлетворенія половыхъ потребностей: но, въ существенныхъ чертахъ, то же происходитъ и теперь. Шиллеръ сказалъ, что міръ управляется голодомъ и любовью.

Проводили-ли древнѣйшіе люди жизнь парами, какъ хищныя животныя, или же стадами, ордами, подобно многимъ копытнымъ животнымъ и обезьянамъ? Существовало ли у нихъ одноженство, многоженство или общность женъ? На этотъ счетъ можно высказывать только догадки. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ ниже, когда придется говорить о началахъ семьи.

Въ *политическомъ* отношеніи—если позволено пользоваться этимъ выраженіемъ—сначала господствовало полное равенство особей, чтб въ теченіе долгаго времени должно было задерживать успѣхи цивилизаціи. Изъ животныхъ наивысшей степени культуры достигли тѣ, которыя жили въ обществѣ и въ упорядоченномъ общежитіи, заслуживающемъ названіе государства; но то же справедливо и для человѣческихъ расъ. Итакъ, если уже у животныхъ можно доказать зачатки государственнаго союза, какой мы видимъ, въ весьма развитой формѣ, у пчелъ и муравьевъ ¹⁾, то слѣдуетъ признать, что также у человѣка стадная жизнь развила первые зачатки раздѣленія труда, какъ основу и причину организаціи и органической государственной жизни.

Соціальныя законы.

Силы природы, усиленіе ихъ степени (потенцированіе).

Желая заранѣе указать на конечную цѣль изслѣдованія, мы скажемъ, что постараемся доказать слѣдующее:

1) Исторія человѣческой культуры, какъ и естественная исторія, есть по-просту исторія развитія.

2) Человѣчество, хотя часто косвеннымъ путемъ, всегда слѣдуетъ естественнымъ законамъ и притомъ всѣмъ естественнымъ законамъ, въ ихъ совокупности.

3) Исторія есть послѣдовательный рядъ „принудительныхъ потребностей“.

¹⁾ Гораздо правильнѣе считать общину пчелъ или муравьевъ сложною формою семьи, нежели государства.

Дѣйствительно, исторія не есть простой рядъ событій, связанныхъ между собою лишь хронологическою послѣдовательностью; она представляетъ, наоборотъ, связную цѣпь причинъ и слѣдствій, соединенныхъ между собою великимъ, господствующимъ какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, принципомъ причинности. Невозможно допустить, чтобы въ исторіи человѣчества существовалъ хотя одинъ моментъ, когда въ его развитіе вступалъ элементъ, чуждый природѣ и способный оторвать человѣчество отъ произведшей его почвы.

На ряду съ принципомъ причинности, существуетъ еще принципъ *цѣлесообразности*, охватывающій всѣ матеріальныя и соціальныя явленія и представляющійся намъ, въ примѣненіи къ человѣческому обществу, какъ *нравственность*. Однако, при этомъ нельзя проглядѣть того, что новѣйшее естествознаніе превратило выполненіе цѣлей изъ конечной цѣли сотворенія въ причину возникновенія существъ,—а это безконечно далеко отъ близорукихъ воззрѣній телеологическаго міросозерцанія (отъ слова телосъ—конечная цѣль). Все, что можно еще сказать относительно отдѣльныхъ моментовъ исторіи развитія, оказывается самоочевиднымъ слѣдствіемъ изъ вышеупомянутыхъ трехъ пунктовъ. Лишь тотъ, кто отвергаетъ эти три положенія и проходитъ мимо вещественныхъ познаній, доставленныхъ естественными науками,—можетъ съ своей точки зрѣнія поставить крестъ надъ нашими выводами. Къ сожалѣнію, еще находится не мало историковъ культуры, напр., въ Германіи, раздѣляющихъ телеологическую точку зрѣнія. Въ числѣ ихъ есть люди передовые, даже радикалы въ вопросахъ политики; но въ другомъ отношеніи эти „либеральные обскуранты“ весьма похожи на такъ сильно поносимыхъ ими „клерикальныхъ обскурантовъ“. Истина *одна*, и, стало быть, кто отъ нея уклоняется, тотъ говоритъ неправду, уклоняется-ли онъ на одинъ волосъ или на десять верстъ. Мнимо „свободомыслящіе“ люди точно такъ же упорно противятся истинѣ, какъ и люди, воображающіе, будто наука потрясла основы. Тѣ и другіе по-своему правы, такъ какъ естественно-научныя знанія разрушаютъ въ одинаковой степени и либеральную фразу, и старую догму.

Въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ природѣ, всѣ явленія представляютъ слѣдствія *не какихъ-либо абсолютныхъ принциповъ*, но разнообразныхъ отношеній взаимодействующи-

щихъ силъ. Добро и зло, польза и вредъ, правда и неправда, удовольствіе и страданіе, разсматриваемыя съ соціальной точки зрѣнія, слагаются изъ опредѣленнаго количества внѣшнихъ проявленій дѣятельности отдѣльныхъ членовъ общества или же цѣлаго организма. Лишь результату этого общаго дѣйствія могутъ соответствовать общія понятія о добрѣ и злѣ, пользѣ и вредѣ, удовольствіи или страданіи. *Понятія эти представляютъ не что иное, какъ разнообразныя состоянія человѣческаго общества, разсматриваемыя съ разныхъ точекъ зрѣнія* или же формы человѣческаго пониманія общественныхъ отношеній. Это зналъ уже Спиноза. Эти и подобныя соображенія приводятъ къ понятію о борьбѣ за существованіе, выставленному со временъ Дарвина. Борьба приводитъ къ усиленію степени естественныхъ силъ и имѣетъ значеніе не только для органической природы, но и для человѣческаго общества. Всякая высшая степень есть лишь родъ уплотненія низшей, усиливающагося въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія. Отсюда истекаетъ законъ тройственнаго согласованія въ послѣдовательности, совмѣстности и по іерархическимъ ступенямъ, т. е. во времени, въ пространствѣ и въ интенсивности—законъ, неопровержимо доказанный теоріей происхожденія видовъ. Пользуясь этимъ закономъ, можно доказать, что каждый человѣкъ, въ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего развитія, проходитъ всѣ эпохи низшаго историческаго развитія, при чемъ проявляется и значительное различіе между человѣкомъ и животнымъ, не смотря на все ихъ родство. Дѣйствительно, вся нервная система человѣка, со включеніемъ мозга, гораздо выше и лучше развита, нежели нервная система наиболѣе высоко развитаго животнаго, и именно это различіе есть результатъ историческаго развитія человѣка. Въ теченіе этого развитія, религія, наука, искусство, обычай, нравственность, право и т. д., вызывали тѣ силы, которыя постепенно и путемъ тяжелой борьбы и испытаній возвысили животное до человѣка. Всѣ высшіе интеллектуальныя и моральныя задатки человѣка могутъ быть, до извѣстной степени, разсматриваемы какъ развитіе силъ, которыми человѣкъ обязанъ своему соціальному развитію. Но что всѣ эти задатки существовали, въ зародышѣ, уже въ животномъ, а частью даже развились у животныхъ выше, чѣмъ у человѣка, это доказывается безчисленными наблюденіями. Можно даже прослѣдить постепенное развитіе каждаго изъ этихъ

задатковъ отъ дѣтства до зрѣлаго возраста у каждой отдѣльной личности. Подобно тому, какъ животное, въ своемъ эмбриологическомъ развитіи, проходитъ низшія ступени животной жизни, такъ точно и человѣкъ, въ постепенномъ развитіи своей нервной системы, проходитъ низшія ступени жизни человѣчества. Подобно всѣмъ прочимъ способамъ умноженія силъ природы, также и силы человѣка достигаютъ различныхъ ступеней развитія. Лишь немногіе достигаютъ высшей ступени. Масса человѣчества представлена низшими ступенями умственного и нравственного развитія. Высшее всюду образуетъ лишь немногія свѣтлыя точки, немногія выдающіяся вершины. Даже наивысшіе культурные народы еще теперь содержатъ въ своей средѣ разнообразнѣйшія ступени социальнаго, этического, умственного и матеріальнаго развитія; этихъ различныхъ ступеней достигаютъ отдѣльные индивидуумы, отдѣльныя социальныя группы, даже цѣлыя сословія, соотвѣтствующія развитію первобытнаго человѣка или дикаря. Это разнообразіе представляетъ человѣческое общество еще теперь, въ исторіи же оно обнаруживается и совмѣстно, и послѣдовательно.

Соціальный законъ развитія.

Разсматривая соціальный законъ развитія, мы вскорѣ увидимъ, что онъ согласуется съ біологическимъ ученіемъ.

Біологія утверждаетъ, что филогенезисъ, или развитіе вида, является механической причиной онтогенезиса, или развитія особи. Сообразно съ этимъ можно выставить два положенія: каждый человѣкъ, отъ отдаленнѣйшихъ стадій эмбриональнаго развитія до полной зрѣлости проходитъ всѣ эпохи историческаго развитія человѣчества совершенно такимъ же образомъ, какъ человѣческой зародышъ проходитъ въ низшихъ стадіяхъ періоды развитія низшихъ органическихъ формъ.

Другое предложеніе гласитъ: стадіи человѣческаго эмбриональнаго развитія каждой особи соотвѣтствуютъ прогрессивному социальному развитію цѣлаго человѣческаго рода въ его постепенномъ развитіи, въ теченіе всей исторіи человѣчества. Но такъ какъ этотъ процессъ постепеннаго развитія, повторяющійся у каждой особи, происходилъ также въ теченіе всей исторіи развитія человѣчества, то поэтому не только психическія свойства, но и физическое развитіе мозга остальныхъ

расъ сходно съ развитіемъ мозга дѣтей передовыхъ расъ. По Бишофу, извилины человѣческаго мозга достигаютъ уже у семимѣсячнаго утробнаго плода развитія, свойственнаго извилинамъ мозга взрослого павіана. Но до достиженія полной зрѣлости, мозгъ человѣка проходитъ еще длинный рядъ дальнейшихъ эволюцій. Что означаютъ эти эволюціи? На это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: въ нихъ вкратцѣ отпечатлѣвается цѣлая исторія человѣчества. Поэтому также у низшихъ расъ раньше наступаетъ остановка въ развитіи, чѣмъ у высшихъ.

Но такъ какъ различныя человѣческія расы развѣтвились, на пути человѣческаго прогресса, въ разныя эпохи и на разныхъ ступеняхъ развитія, то является вопросъ: по какому масштабу можно опредѣлить ступень развитія каждаго отдѣльнаго человѣка, или каждой расы? Отвѣтъ даетъ общій законъ развитія, установленный К. ф.-Бэромъ. Сообразно съ этимъ развитіе опредѣленной органической формы опредѣляется двумя отношеніями: 1) прогрессивнымъ развитіемъ организма посредствомъ возрастающаго гистологическаго и морфологическаго расчлененія (дифференціаціи); 2) преобразованіемъ болѣе общей формы даннаго типа въ болѣе особенную. *Степень* развитія животнаго тѣла состоитъ въ болѣе значительномъ гистологическомъ и морфологическомъ дифференцированіи; *типъ* же есть отношеніе положенія органическихъ элементовъ и органовъ. Типъ существенно отличается отъ степени развитія, такъ что одинъ и тотъ же типъ можетъ существовать на разныхъ ступеняхъ развитія, и обратно, одна и та же ступень развитія достигается разными типами. Лишь сочетаніе степени развитія съ типомъ образуетъ болѣе крупныя группы животныхъ, именуемыя классами.

Если мы примѣнимъ этотъ важный законъ къ человѣческимъ расамъ и племенамъ, то окажется, что различныя расы и племена могутъ произвести разные типы, но не будутъ поэтому выше или ниже другихъ по степени развитія. Нѣмецъ, итальянецъ, французъ, англичанинъ могутъ представлять разные типы національностей, откуда еще не слѣдуетъ, чтобы именно *поэтому* слѣдовало признать высшій или низшій типъ развитія. Еще важнѣе примѣненіе того же закона къ образованію разныхъ общественныхъ группъ. Если мы возьмемъ, напр., демократическій, олигархическій, аристократическій элементы и признаемъ ихъ за особые типы соціального строя, или если примемъ формы правленія республиканскую, монархическую, деспотическую за разные типы государственнаго строя, то придется отличать эти типы отъ степени развитія общественнаго организма. Монархически-аристократическое государство можетъ при извѣстныхъ условіяхъ оказаться стоящимъ на болѣе

высокой степени развитія, нежели демократическо-республиканское, а при другихъ условіяхъ можетъ наступить обратное. Законъ этотъ поэтому ниспровергаетъ укоренившійся предразсудокъ, свойственный извѣстнымъ тенденціознымъ мыслителямъ, а именно, что тотъ или иной политическій *типъ* всегда обуславливаетъ и высшую *степень* развитія. Что типъ, по которому построилась та или иная социальная группа, не совпадаетъ съ степенью развитія, вытекаетъ уже изъ слѣдующаго обстоятельства: уже въ первобытной исторіи человѣчества мы имѣемъ представителей *всѣхъ* государственныхъ формъ: монархической, аристократической, олигархической и демократической; точно также отношенія социального строя, встречающіяся еще теперь на всѣхъ ступеняхъ варварства и цивилизаціи, были заложены еще въ первобытныя времена.

Обращаясь къ разсмотрѣнію первобытнаго состоянія чело-
вѣчества, необходимо прежде всего вооружиться противъ чрез-
вычайно распространеннаго заблужденія, а именно, что въ
первобытную эпоху существовалъ будто бы первобытный на-
родъ, отличавшійся завиднымъ блаженствомъ и оставившій
теперь лишь выродившееся потомство. Въ этомъ смыслѣ поэты
говорили, а порой говорятъ и теперь, о «золотомъ вѣкѣ», но
такого вѣка никогда не существовало. Какъ разъ наоборотъ,
наука учитъ насъ, что первобытное состояніе чело-
вѣчества не было вѣкомъ блаженства и что настоящее вовсе не пред-
ставляетъ собою вырожденія. Золотой вѣкъ—это прелестный
мнѣ, произведенный глубокимъ, болѣе или менѣе безсозна-
тельнымъ стремленіемъ чело-
вѣческаго сердца къ лучшему или
идеальнѣйшему состоянію вещей, чѣмъ то, при которомъ чело-
вѣку приходится жить, бороться и страдать. Такъ какъ
никогда не было такого времени, которое доставляло бы пол-
ное самодовольство, то чело-
вѣкъ охотно мечтаетъ о лучшемъ
вѣкѣ, называя его золотымъ. Но золотой вѣкъ существуетъ
сегодня или не существовалъ никогда. Итакъ, его не было
никогда и въ началѣ вещей, и никакое паденіе не могло
лишить первобытнаго чело-
вѣка счастья, которымъ онъ никогда
не обладалъ. Необычайные труды и долгое время потребова-
лись для того, чтобы чело-
вѣку удалось подняться отъ пер-
вичнаго полуживотнаго состоянія до того, чѣмъ онъ сталъ
теперь. Насколько хватаетъ нашъ умственный взоръ, чело-
вѣкъ нигдѣ не видитъ опусканія съ прежней высоты, но лишь
поднятіе. Временный застой и упадокъ, даже вымирание от-
дѣльныхъ вѣтвей на великомъ деревѣ чело-
вѣчества не пре-
пятствуетъ признанію непрерывнаго *прогресса*.

Какъ членъ общества, отдѣльный чело-
вѣкъ,—подобно тому,
какъ клѣтка въ организмѣ,—подчиняется не только закону
дивергенціи (уклоненія или расхожденія), но и закону за-